

Емеля-дурак — эпизод 2 из 5

Щука, видя, что он не хочет ее пускать в воду, говорила: "Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь". Дурак говорил ей: "Я хочу, чтоб мои ведра с водою сами пошли на' гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась". Щука тотчас ему говорила: "Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чем те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на' гору!" Дурак после ее говорил: "По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на' гору!" - и тотчас ведра и с коромыслом пошли сами на' гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке: "Все ли так будет?" На что щука отвечала, что "все то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала". После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою: "Что это дурак делает? Ведра с водою идут сами, а он идет за ними". Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой; ведра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: "Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел дров нарубил". Но дурак говорил: "Да, а вы-то что?" - "Как мы что? - вскричали на него невестки. - Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно". - "Я ленюсь!" - говорил дурак. "Как ленишься? - говорили ему невестки. - Ведь ты же озябнешь". Притом они говорили: "Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов". Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова: "По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь". Топор откуда ни взялся - выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велят нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему: "Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби". Дурак им говорил: "Да, а вы-то что?" - "Как мы что? - отвечали невестки. - Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами". Но дурак им говорил: "Я

ленюсь!" - "Как, ленишься? - говорили ему невестки. - Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных". Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навеса сани, взял с собою веревку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: "Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?" Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил: "По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!" После сих слов сани тотчас поехали со двора, что' видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.